

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'1(049.32)+929Седов
ББК 81з(2)СедовК.Ф.
DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-123-129

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

V. V. Demytyev
Saratov, Russia

**ЧТО ОЗНАЧАЕТ «ВПЕРЕД В ИЗУЧЕНИИ
РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ»?**

к выходу посмертной книги избранных трудов
К. Ф. Седова (1954–2011) «Общая и
антропоцентрическая лингвистика» (под ред.
В. В. Дементьева и С. Н. Цейтлин)
(М. : Издательский дом ЯСК, 2016. – 440 с. –
(Studia Philologica))

**WHAT DOES “FORWARD IN THE STUDY OF
SPEECH GENRES” MEAN?**

to the edition of a posthumous book of selected
works by K. F. Sedov (1954–2011) «General and
anthropocentric linguistics» (Eds. V. V. Demytyev
and S. N. Zeitlin) (Moscow, 2016. 440 p. (Studia
Philologica))

Аннотация. Рецензия на посмертную книгу избранных трудов К. Ф. Седова (1954–2011) «Общая и антропоцентрическая лингвистика». Значительная часть книги посвящена речевым жанрам: представлены общие положения теории речевых жанров (социопрагматический аспект), а также материалы к энциклопедии речевых жанров: «Разговор», «Комплимент», «Анекдот».

Автор рецензии (одновременно редактор обсуждаемой книги избранных трудов К. Ф. Седова), который много лет вместе с К. Ф. Седовым занимался жанрами речи («Саратовское жанроведение»), показывает, как книга будет полезна для современного жанроведения. Подчеркивается, что книгу делает более ценной для жанроведения представленное в книге общелингвистическое и общенаучное наследие К. Ф. Седова, что обеспечивает более четкое понимание места жанроведения в парадигме лингвистики и уточнение целого ряда жанроведческих положений и методик через сопоставление их с другими методиками и лингвистическими дисциплинами.

Ключевые слова: жанроведение, К. Ф. Седов, антропоцентрическая лингвистика

Abstract. Review of the posthumous book of selected works by K. F. Sedov (1954–2011) «Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika» [General and anthropocentric linguistics]. Much of the book of K. F. Sedov is devoted to speech genres: an overview of the theory of speech genres (sociopragmatic aspect) is provided, as well as materials for the encyclopedia of speech genres: «Talk», «Compliment», «Anecdote». The reviewer (both co-editor of the book of selected works of K. F. Sedov under discussion), who for many years studied the genres of speech with K. F. Sedov («Saratov genristics»), shows how the book will be useful for the modern genristics. The author emphasizes that the book is more valuable to genristics because of presented in the book philological and general scientific heritage of K. F. Sedov: it provides a clearer understanding of the place of genristics in linguistics paradigm and clarification of a number of genristics regulations and procedures through their correlation with other methods, as well as linguistic disciplines.

Keywords: genristics, K. F. Sedov, anthropocentric linguistics.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики. Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.
E-mail: dementevvv@yandex.ru

About the author: Demytyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

«Вперед в изучении речевых жанров» часто означает «назад к Бахтину», – писали мы с К. Ф. Седовым в 1998 г. в нашей первой большой совместной работе – книге «Социопрагматический аспект теории речевых

жанров» [1 : 17]. Сегодня, спустя почти 20 лет, ситуация в теории речевых жанров / генристике / жанроведении, несмотря на очень большие отличия, может быть охарактеризована отчасти похоже, с одним суще-

ственным уточнением: «...и назад к К. Ф. Седову».

Смерть К. Ф. в 2011 ожидаемо стала ударом по жанроведению – саратовскому, российскому, мировому, от которого, как представляется, оно еще не оправилось (да и вряд ли оправится в полной мере): стали меньше писаться и защищаться диссертации по психолингвистическим аспектам жанров, кажется, совсем перестали – по психолингвистическим аспектам жанров детской речи, больше нет той волшебной атмосферы настоящего жанроведческого сотрудничества, которая сопровождала нашу с К. Ф. совместную работу в редколлегиях «Жанры речи» (Саратов), «Антологии речевых жанров» (Москва).

В то же время нельзя не подчеркнуть, что именно последние годы жизни К. Ф. ознаменовались особенно большой его жанроведческой, шире – речеведческой активностью, что хорошо видно и по списку публикаций К. Ф., и по содержанию журнала «Жанры речи» (тогда – сборника), в котором он был и членом редколлегии, и постоянным автором.

Только что вышедшая посмертная книга избранных трудов К. Ф. «Общая и антропоцентрическая лингвистика» (далее – ОАЛ), в составлении которой я принимал участие: был соредактором совместно со С. Н. Цейтлин, – особенно полно представляет именно эту часть творческого наследия К. Ф., в частности, статьи самых последних лет, вошедшие в сборник «Жанры речи», включая статью про жанр *комплимента*, вошедшую в последний выпуск сборника, вышедший при жизни К. Ф. (2011), а также главы и параграфы его главной, думается, прижизненной книги «Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении» (2011) (в названной статье про жанр *комплимента* данный жанр также определялся с позиций суггестии).

Как и у М. М. Бахтина, речевые жанры были одним из наиболее приоритетных объектов у К. Ф. при изучении диалога, коммуникации. В уже упоминавшемся нашем совместном учебном пособии «Социопрагматический аспект теории речевых жанров» К. Ф. писал о значении бахтинских идей для современного жанроведения:

«Работы Бахтина долгое время были неизвестны за рубежом, кроме того, даже в отечественных исследованиях устной речи опыт Бахтина учитывался весьма слабо и непоследовательно. <...> Обращение же современных лингвистов к исследованиям М. М. Бахтина, как правило, строго дозируется:

работы, в которых традиционные лингвистические проблемы не затрагиваются, игнорируются. В ряде работ последнего десятилетия, посвященных проблемам речевых жанров, имеет место, как нам представляется, некоторая теоретическая ограниченность, односторонность, вызванная излишней лингвистичностью сознания исследователей явлений живого общения. Между тем бахтинская философия языка представляет собой лишь одну из граней его целостного учения о культуре. А статья о жанрах – один из аспектов этой философии. Рассмотренная в отрыве от других работ, она не дает полного представления о сути понимания природы жанров Бахтиным и содержит противоречия, на которые совершенно справедливо указал М. Ю. Федосюк. Изучение жанровой структуры речевого поведения требует от лингвистов выхода за пределы своей науки в смежные с ней области знания, рассматривающие человека в самых различных его проявлениях. <...> Уже в конце 20-х годов Бахтин критиковал недостатки подхода к языковым явлениям, игнорировавшего связь языковых проявлений с областью социально-психологического бытия людей. “Словесный компонент поведения, – писал он в одной из своих ранних книг, – определяется во всех основных существенных моментах своего содержания объективно-социальными факторами. Социальная среда дала человеку слова и соединила их с определенными значениями и оценками, социальная же среда не перестает определять и контролировать словесные реакции человека на протяжении всей жизни” [2 : 85]. Один из путей развития гуманитарного знания ученый видел в создании науки о знаковом (и, в том числе, словесном) взаимодействии людей – общественной психологии. <...> Жанры разговорной речи Бахтин относил к области “жизненной, или житейской идеологии”. Следуя духу концепции ученого, мы определяем речевой жанр как *вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей*. Главное, что подчеркивает данное определение, – это первичность социального невербального поведения в понимании феномена речевого жанра» [1 : 9–10].

В ОАЛ, посмертной книге избранных трудов, естественно, представлены не только собственно жанроведческие идеи К. Ф., который был очень разносторонне одаренной, и, так сказать, разносторонне активной личностью.

Как я писал в послесловии к ОАЛ, составители имели все основания назвать книгу «*Курсом общей лингвистики*» (после долгих размышлений все-таки было решено сузить формулировку до «*Общая и антропоцентрическая лингвистика*»):

Логика самой жизни, творчества К. Ф. (как я ее вижу) приводит к абсолютно определенному

выводу: главным делом жизни К. Ф. должна была быть книга «Курс общей лингвистики», которая могла, по многим признакам, стать крупным событием в теоретической лингвистике. Увы, такую книгу К. Ф. не написал... Однако такая книга составлена нами – соратниками и учениками К. Ф. (переключка с соссюрским «Курсом...», конечно, не случайна). «Курс...» К. Ф. включает и модель членения лингвистики, и первоклассные идеи К. Ф. по отдельным ее разделам, выделяемым им же: коммуникативная / социологическая, когнитивная / психолингвистическая (в том числе – в связи с детской речью), художественная / кинотекст. К. Ф. не только наметил основные линии структурирования лингвистики, выделил разделы (это, в конце концов, не так уж трудно), но и очень многое сделал сам в рамках практически каждой из выделяемой им лингвистических дисциплин (пожалуй – за исключением структурной, так что обобщающая посмертная книга, по нашему мнению, точнее должна быть названа не «Курс общей лингвистики», а «Общая и антропоцентрическая лингвистика») (ОАЛ : 379).

Про отношения ОАЛ с «Курсом...» Ф. де Соссюра надо сказать особо.

С одной стороны, Соссюр, со своим лингвистическим редуционизмом, был главным «научным врагом» К. Ф., что прямо говорилось и в многочисленных полемических работах К. Ф., и в устных острополюемических выступлениях, и в неофициальном общении «в кулуарах». Исключений, пожалуй, не было: доброго слова о Соссюре я не слышал от К. Ф. (и не читал) никогда.

Но, с другой стороны, обращают на себя внимание некоторые совпадения, которые по отдельности могли бы показаться надуманными и искусственными, но вместе производят довольно сильное впечатление: годы выхода книг – 1916 и 2016 (в этом году широко отмечалось столетие «Курса...» Соссюра); обе посмертные книги вышли спустя почти одинаковое количество лет после смерти их авторов (у Соссюра – 3, у К. Ф. – 5); К. Ф. умер в возрасте Соссюра; почти совпадают (со смещением на 3 года) даты жизни и смерти, приходящиеся на рубежи соответствующих веков (1857–1913 и 1954–2011); наконец, не «почти», а точно совпадает дата рождения – 26 ноября!

Добавлю к этому еще свое личное впечатление: есть сходство между книгами К. Ф. и Соссюра! Это впечатление появилось задолго до смерти К. Ф., и вначале я решительно не знал, как к нему относиться, склонен был считать своей ошибкой; никогда, насколько помню, не об-

суждал его с К. Ф. Зато потом, в общении с другими коллегами, уже после смерти К. Ф., это впечатление, как ни странно, получало неоднократное подтверждение.

Дело в том, что я люблю читать Соссюра. Это не значит, что со всем соглашаюсь: как раз наоборот, но несогласие рождает собственную мысль. За это, собственно, и люблю. И точно так же я отношусь к текстам К. Ф.! Таким образом, книги, статьи К. Ф., с моей точки зрения, ценны в коммуникативном отношении: будят мысль читателя, заставляют *творить* вместе с автором. А как следствие – часто довольно дискуссионны (в то же время, конечно, – вполне продуманны, убедительны). Плюс это или минус? С точки зрения самого К. Ф. (и моей), огромный плюс. Об этом, конечно, можно и поспорить...

В этой связи нельзя не сказать о «коммуникативных» качествах личности К. Ф., которые и отражались в текстах его работ, о том, как талантлив, интересен был К. Ф. в коммуникации, а жил – как писал: страстно, с неустанным интересом исследователя буквально ко всему, свои лингвистические, коммуникативные, персонологические классификации постоянно с энтузиазмом применял и проверял, поверял и отработывал на практике. На лекциях, приводя и комментируя примеры (прежде всего тоже из самого непосредственного повседневного общения, «живой жизни языка»), К. Ф. нередко говорил что-то вроде: «это грубая классификация, не научная, но она работает». «Не научная» в данном контексте означало: пока не научная: значит, К. Ф. занят разработкой соответствующей теоретической модели. А если уходили мысли о лингвистике – страдал, жаловался: заела текучка, *давно ни с кем не говорил о лингвистике* (ОАЛ : 372).

Возвращаясь к ОАЛ, следует подчеркнуть, что выход за рамки упомянутой «жанроведческой и речеведческой активности» К. Ф. делает его книгу не менее, а более ценной и для собственно жанроведения, ибо означает и более четкое представление о месте жанроведения в парадигме лингвистики (или, скорее, – во взаимодействии с нею), и уточнение целого ряда жанроведческих положений и методик через соотнесение их с другими возможными методиками, а также лингвистическими дисциплинами, через призму которых данные явления тоже могут и должны изучаться.

Поэтому здесь я хотел бы остановиться не только на собственно жанроведческой части ОАЛ, хотя и она сама по себе стала

бы достойным объектом самостоятельной большой рецензии – и не только в специализированном журнале по жанрам речи, но и в любом лингвистическом журнале.

В ОАЛ систематизированы главные направления научной деятельности К. Ф.: психолингвистика, теория дискурса, генристика, онтолингвистика, лингвоперсонология, прагматика художественного текста. Представлены как общие теоретические идеи К. Ф. о структуре и задачах лингвистической науки, так и исследования по отдельным направлениям антропоцентрической лингвистики на конкретном языковом и речевом материале: изучение авторского художественного текста и кинотекста, анализ детской речи, речевое портретирование, материалы к энциклопедии речевых жанров. Труды К. Ф., разбросанные по разным изданиям, не хронологически расположены в соответствии с логикой теории К. Ф., в результате получилась довольно стройная и целостная монография с оригинальным взглядом на очень актуальные проблемы современной лингвистики.

Как уже было сказано, коммуникативно-лингвистические идеи у К. Ф. всегда были неразрывно связаны с более общими, отсюда определялось место коммуникативной лингвистики в лингвистике в целом, выстраивалась **структура лингвистической науки**. Здесь К. Ф. оставил нам целый ряд глубоких и оригинальных идей, которые, думается, еще предстоит по-настоящему осмыслить.

ОАЛ открывается разделом «**Структура лингвистической науки**», представляющим авторскую концепцию **принципов членения лингвистики**, которые, по мнению ученого, должны определяться не внутрисистемными отношениями «кода», а потребностями и реальными формами человеческого общения и коммуникативного мышления: (1) лингвистика языка (изучение «языка-системы»), (2) лингвистика речи (то же, что коммуникативная лингвистика = социолингвистика с главным разделом – жанроведением), (3) психолингвистика (с примыкающей к ней когнитологией) и (4) лингвопоэтика.

Думается, что к достоинствам концепции К. Ф. следует отнести преодоление науковедческой традиции в лингвистике, идущей от Соссюра, – деление лингвистики на «внутреннюю» и «внешнюю». Теоретической основой такого преодоления у К. Ф. служит, во-первых, признание недостаточности описания «языка-системы», «языка-кода» для

объяснения значимых свойств собственно языка (в лингвистике второй половины XX века положение о недостаточности такого описания стало фактически общепринятым); во-вторых, – признание самого языка сложным коммуникативно-когнитивным феноменом, для понимания которого необходимо рассмотреть такие аспекты языка, как (1) «язык-система», (2) речь, (3) системное начало в общении / речи, а также (4) индивидуальное, коммуникативное и «поэтическое» мышление – выделение аспектов, по всей видимости, должно соответствовать настоящему членению лингвистики.

Главы и параграфы ОАЛ составили идеи / модели, которые уже приняты / успешно положены в основу целого ряда работ (типы языковых личностей, типы речевых жанров). Но они принципиально дополнены (возможно, это-то и есть главная составляющая именно концептуального, творческого наследия К. Ф.) актуальными идеями К. Ф., которые тоже еще только предстоит осмыслить настоящим образом – и которые лягут в основу будущих, очень важных и нужных исследований.

В качестве одного из главных здесь, по моему убеждению, должно быть названо понятие **кооперативного актуализатора / актуализаторского типа коммуникативного поведения**. Это одна из наиболее принципиальных лингвистических, речеведческих, персонологических, наконец, этических идей К. Ф., к сожалению, не получившая настоящего теоретического и практического развития в его работах. Данный тип определяется *установкой на интересы собеседника в коммуникации*: с одной стороны, является наиболее «высоким» в этическом, нравственном отношении, с другой – представляет высший уровень коммуникативной компетенции в строимой К. Ф. «вертикальной» лингвоперсонологической типологии (а значит – предполагаются и какие-то расширенные коммуникативно-речевые знания и умения, и специфические речевые и языковые средства и маркеры). Важно, что данный тип противопоставлен *конформному* (установка на интересы собеседника лишь внешняя, демонстрируемая), что определяет несущественность (а иногда и вред) для данного типа внешней изоциренности речи, вообще заботы о форме речи, наконец... вежливости.

Возможно, именно из идеи актуализатора проистекает в научном творчестве К. Ф. тот факт, что очень многие его модели, оценка,

комментарий связаны с **этикой**: думаю, можно утверждать, что К. Ф. фактически была намечена в названном выше членении общей лингвистики **пятая часть: этическая лингвистика** (отсюда, собственно, и *суггестия*, и «*иррациональное в межличностном общении*»: названные установки личности не поддаются *рациональному* объяснению, их истоки кроются в глубинах сознания, определяемых *этикой* микро- и макро-этноса, коллективными ценностными ориентациями). В личном общении К. Ф. высказывал немало глубоко выстраданных соображений о христианском дискурсе, шире – своде христианских норм, правил, максим, доминант в общении. (Правда, практически ни строчки об этом не успел написать, насколько мне известно.)

Зато к этике относятся направления, в которых К. Ф. особенно активно работал в самое последнее время: **агрессия** как вид речевого воздействия, **манипуляция** как психологический и психолингвистический феномен, наконец, **зависть** как наиболее фатальное нарушение не только этики общения, но и психолингвистических механизмов понимания в целом.

Актуализаторский тип коммуникативного поведения – или, по крайней мере, стремление к нему – определял и многие не собственно научные, а самые что ни на есть жизненные позиции самого К. Ф. Так, например, К. Ф. резко критиковал (даже воспринимал как личную обиду) популярные ныне университетские курсы риторики – как имеющие целью не воспитание актуализатора, а «все-го лишь» повышение уровня коммуникативной компетентности обучаемого, что, будучи «вне этики», по мнению некоторых коллег-риторов, ничем по сути не отличается от умений грамотного успешного манипулятора.

Настоящую боль К. Ф. вызывала распространенность равнодушной, демонстрируемой *толерантности* как в науке, так и в жизни (точка зрения, очень отличающаяся от еще недавно модной «западнической»):

«На место горячих споров, конфликтных (в хорошем смысле этого слова) дискуссий пришла вялотекущая толерантность, где за плохо скрываемым неприятием чужого мнения просвечивает неприязнь к новым подходам и страх перед свежими идеями» (ОАЛ: 13).

С этим солидаризируется и В. М. Алпатов: «В последние десятилетия по миру распространился так называемый постмодернистский взгляд, отри-

цающий существование истины, в том числе научной, по сути, признающий право высказывать какие угодно взгляды. Вот что писал, например, в Интернете литературовед В. Руднев: “В конце XX в. труды Марра постепенно стали реабилитировать.... Это происходило при смене научных парадигм, при переходе от жесткой системы структурализма к мягким системам постструктурализма и постмодернизма, где каждой безумной теории находится свое место”. И справедливо осужденная К. Ф. Седовым равнодушная толерантность тесно связана с признанием равенства научно обоснованных и безумных теорий, с отвращением к поискам истины, рождаемой в спорах» [3 : 122].

Все отмеченные особенности научного подхода К. Ф. ярко проявлялись при изучении речевых жанров, и это, конечно, не могло не отразиться в ОАЛ.

В разделе «**Жанры речи**» представлены общие положения теории речевых жанров (социопрагматический аспект), а также материалы к энциклопедии речевых жанров: «Разговор», «Комплимент», «Анекдот».

Типологизаторская деятельность К. Ф. получила наиболее завершенное выражение в одной из наиболее разработанных и одновременно одной из наиболее востребованных в современном жанроведении классификаций жанров и смежных коммуникативно-речевых феноменов из околожанрового пространства языка и речи: имею в виду типологию речевых моделей, ранжированных по нарастанию абстрактности: субжанр (=внутрижанровая речевая стратегия) – жанр – гипержанр, с разработкой системы внутрижанровых стратегий для разных жанров и типов кооперативного и конфликтного речевого поведения.

Что касается классификации (точнее – классификаций) собственно РЖ, в них наиболее четко противопоставлялись, с одной стороны, жанры повседневного межличностного общения (где особенно интересовали К. Ф., особенно в последние годы его жизни, суггестивные жанры), с другой стороны – художественные жанры.

Последний раздел ОАЛ представляет хронологически, пожалуй, первый объект настоящего научного интереса К. Ф. – литературоведческий, точнее, искусствоведческий («**Художественный текст, кино-текст**»). Этой интереснейшей проблеме (точнее – целому ряду проблем) было отдано десятилетие творческой активности молодого К. Ф. в 1980-е гг., впоследствии он уже практически не обращался к данной теме (хотя и неоднократно планировал). Не-

сомненно, и его размышления на общетеоретические проблемы художественного текста («Прагмасемиотическая модель художественного текста»), и конкретные исследования авторского художественного текста и кинотекста (Ф. М. Достоевский «Записки из подполья», В. В. Ерофеев «Москва – Петушки», А. А. Тарковский «Жертвоприношение») также найдут сегодня своего заинтересованного читателя.

Не получившая настоящего развития в творчестве самого К. Ф. этическая составляющая дискурса и его жанров сейчас активно изучается в работах по экологии речи – см., например, журнал «Экология языка и коммуникативная практика», где К. Ф. является активно цитируемым автором.

Большинство авторов журнала сосредоточиваются на проблеме этико-речевая компетенции и соответствующие норм, во многих статьях журнала эта проблема прямо связывается с жанрами. Например, Б. Я. Шарифуллин говорит о РЖ и задачах ТРЖ в связи с «инвективизацией русского речевого общения», которую исследователь характеризует следующим образом: «это не только явление “само по себе” негативное, она имеет прямой выход на речевую реальность <...> в аспекте речеведения: всё большее распространение, и не только в “лихие 90-е”, в городской коммуникации получают самые разнообразны́е жанры инвективного общения» [4 : 74].

Особенно близка к данной речеведческой и жанроведческой концепции *анатомия жанров повседневного общения*, разрабатываемая К. Ф.: «<...> удачным, на наш взгляд, будет сравнение континуума бытовой коммуникации с живым телом, телом, которое живет, развивается, стареет и т.п. Причем если социальное бытие – плоть жанра, то словесное оформление типических ситуаций – это его кожа. Продолжая метафору, можно назвать предлагаемую типологию анатомией жанров повседневного общения, <где> первичные жанры можно отнести к нижнему, бытовому слою общего континуума повседневной коммуникации, к “житейской идеологии”. Такого типа жанрами следует считать *болтовню, ссору* и др. Жанры вторичные – это как бы верхний уровень речевого пространства. Они тяготеют к официальным и публичным видам коммуникации» (ОАЛ : 173).

Изучение речевых жанров в связи с языковым существованием и формированием коммуникативной компетенции языковой личности, которое обязано К. Ф. едва ли не своим существованием, получило отражение

в особом разделе ОАЛ, представляющем результаты многолетних исследований К. Ф. по **детской речи** (как известно, проблемам онтопсихолингвистики были посвящены и его кандидатская диссертация «Становление синтаксического строя устных спонтанных монологов (на материале детской речи)» (1987), и докторская «Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности» (1999)). В центре внимания оказывается экспериментальное исследование становления дискурсивного мышления ребенка: порождение дискурса, понимание дискурса, становление целостной структуры устного дискурса.

В разделе «**Языковая личность**» представлены общие принципы речевого портретирования, а также речевые портреты трех реальных людей. Это персонологическое исследование строится по схеме: на основе существующих в науке и разработанных автором параметров изображаются портреты трех языковых личностей; выясняются причины формирования типов речевого поведения путем создания проекции отличительных черт идиостилей на речевую биографию каждого из объектов изображения; выявленные особенности сравниваются с целью определения в самом общем виде универсальных тенденций становления коммуникативной компетенции.

Настоящее осмысление творческого наследия К. Ф. еще только начинается. Этому будут способствовать и уже вышедшие работы коллег К. Ф. о нем, и будущие книги избранных трудов самого К. Ф., которых – надеюсь, верю! – будет много. Ибо, как часто говорил и в соответствии с чем всегда жил К. Ф., «*хорошая научная идея (книга, статья, лекция) уменьшает количество зла на земле*».

ЛИТЕРАТУРА

1. Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. 107 с.
2. Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.). Фрейдизм. М. : Лабиринт, 1993. 120 с.
3. Аллатов В. М. Лингвистика вчера и сегодня: Размышления над статьей К. Ф. Седова «Языкознание. Речеведение. Генристика» // Жанры речи. М.; Саратов : Лабиринт, 2012. Вып. 8. Жанр и творчество. С. 109–122.

4. Шарифуллин Б. Я. Общая характеристика речевой ситуации в российском городе начала XXI века // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 1. С. 67–85.

REFERENCES

1. Dementyev V. V., Sedov K. F. *Sotsiopragsmaticheskiy aspekt teorii rechevyih zhanrov* [Sociopragmatic aspect of the speech genres theory]. Saratov, 1998. 107 p.

2. Voloshinov V. N. (Bakhtin M. M.). *Freydizm* [Freudianism]. Moscow, 1993. 120 p.

3. Alpatov V. M. *Lingvistika vchera i segod-*

nya: Razmyshleniya nad stat'ej K. F. Sedova «Yazykovedenie. Rechevedenie. Genristika» [Linguistics yesterday and today: Reflections on article by K. F. Sedov «Linguistics. Speech study. Genristics»]. *Kommunikatsiya. Myshlenie. Lichnost'* [Communication. Thinking. Personality]. Saratov, 2012, pp. 12–25.

4. Sharifullin B. Ya. *Obshchaya kharakteristika rechevoy situatsii v rossiyskom gorode nachala XXI veka* [General characteristics of speech situation in the Russian city in early XXI century]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice]. 2014, no. 1, pp. 67–85.

Статья поступила в редакцию 8.12.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Деметьев В. В. Что означает «вперед в изучении речевых жанров»? К выходу посмертной книги избранных трудов К. Ф. Седова (1954–2011) «Общая и антропоцентрическая лингвистика» // Жанры речи. 2016. №2. С. 123–129. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-123-129

FOR CITING

Dementyev V. V. What does “forward in the study of speech genres” mean? To the edition of a posthumous book of selected works by K. F. Sedov (1954–2011) «General and anthropocentric linguistics». *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 123–129. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-123-129 (in Russian).